Аннотация. Воспоминания Н.А. Энгельгардта «Эпизоды моей жизни» представляют собой весьма объёмный мемуарный труд. Несмотря на свои очевидные исторические и литературные достоинства, они привлекали внимание исследователей лишь фрагментарно и не были до настоящего времени изучены как целостное произведение, посвященное обширным и сложным периодам российской истории. В этих мемуарах освещен значительный временной период, и широкий хронологический охват позволяет глубже осмыслить ход и сущность российской модернизации при сочетании традиционных и новых явлений в социальной, политической и культурной жизни страны. Внимание к деталям, необыкновенно цепкая память, оригинальный авторский стиль, политическая неангажированность мемуариста, его искренняя патриотическая позиция, - все это выделяет воспоминания Энгельгардта из ряда других свидетельств Серебряного века и советской эпохи. Введение в научный оборот указанного источника в полном объеме позволит расширить источниковую базу исследований, касающихся рассматриваемого периода, сформулировать новые подходы и проблемы при изучении истории повседневности предреволюционного и советского времени.

ОТРЫВКИ ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ВОСПОМИНАНИЙ Н.А. ЭНГЕЛЬГАРДТА «ЭПИЗОДЫ МОЕЙ ЖИЗНИ»

А я с осени 1881 года перешел в Смоленскую классическую гимназию.Расположенный над долиной Днепра, на высоких разделенных широчайшими глубокими оврагами, окруженный стенами и земляным валом, Смоленск казался видением воскресшей древности. Стены с бойницами и зубцами, и зубцы тоже с расщепами и на столько широкие, что за каждым могло таиться по два человека и из-за стенки зубца стрелять в его расщеп; стены такой ширины, что можно бы по ним ехать на тройке, из огромных "железных" окаменелых И слившихся единую удивительно обожженных кирпичей с облицовкой от фундамента до половины мощными каменными плитами, громоздились венцом вокруг города, выставляя на каждом повороте по грандиозной башне, то же с зубцами, многоэтажных, с витыми лесенками в стенах, с бойницами, с

подвалами; их было 35 [1] — круглых, четырехугольных, грановитых; иные с провалившимися потолками, но многие были в полной сохранности и в порядке, служили для архивов, а одна — арестным домом. Стены — царя Бориса [2].

На левом конце верхнего, гористого города, если смотреть с Днепровского моста, на самой высокой точке горы возвышалась знаменитая башня Веселуха, – сторожевой пункт древнего города. С ее вершины открывается вид на всю долину реки и на возвышенности за нею на десятки верст. Против моста на каменных арках, под который бежит вольная Днепровская стремнина, и где таятся жирные сомы, стоит башня с главными воротами города. Над проездом, в ее верхнем этаже чудотворная Надворотная Икона Божией Матери Одигитрии – Путеводительницы [3], к которой за помощью обращаются все женщины, терпящие скорбь родов и даже еврейки взывают в трудных случаях: "Вспомни, Мариам, что и ты была еврейка, и что не мы, дочери Сиона, осудили и казнили твоего сына, а наши мужчины. Мы же плакали, когда его вели на казнь... И помоги". Кроме ворот через башни, – противоположными являются Молоховские [4], проезд под которыми на другом конце города сопровождается гулом и громом невыразимым под ее сводами, – есть еще много в стенах "проломов", напоминающих о былых осадах в Смутное время, и после бомбардировки 1812 г., когда Наполеон при возвращении через Смоленск, приказал подложить бочки с порохом [5] в разных местах, желая, как выражается Лев Никол. Толстой, – "побить пол, о который ушибся". Есть еще много так называемых "форток", узких воротец в толще стен, напоминающих Евангельские игольные уши, бывшие в стенах Иерусалима [6]; и подлинно не только верблюду, но и нагруженному коню или телеге пройти через них неудобно. Это калитки для пешеходов. Земляные валы внутри и снаружи вдоль стен, были потом городским управлением отданы тем обывателям, которые их срывали на собственный кошт, и при этом, засыпая и те глубокие рвы, которые шли еще за стенами вокруг всего города. Всю эту землю потом перегородили заборами и застроили, подступив к самым стенам. Но издавна на фундаменты и печи обыватели таскали осыпавшиеся с ветшавших стен кирпичи. Но в семидесятых годах еще все было цело. И стены, и валы, и рвы. Все порастало "травой забвенья", и не только травой, но и кустами, и толстыми деревьями, березами, кленами, так что стены напоминали сказочные "Семирамидины висячие сады". Кусты и деревья росли на стенах, запустив глубоко корни в расселины их толщи, куда намыло дождем и надуло ветром земли – пыли, и в башнях с провалившимися потолками, и там, где осыпавшаяся стена представляла бесформенную груду, и только узким мостом перекидывался уцелевший свод над пустотой обвала. Со дна башен букетами поднимались поросли черемухи, рябины, клены и березы, липы и ясени, и просовывали свои зеленые ветви и вершины к свету и воздуху в окна и над сгнившей кровлей. С правой стороны Смоленска стены замыкаются гигантской земляной крепостью, к которой примыкает так называемый Лопатинский сад с прудами, каналами, мостиками, беседками,

аллеями, дорожками, кустами и деревьями. Он, хотя и носит имя губернатора Лопатина, и раньше был. Но Лопатин его почистил, благоустроил, завел там "музыку", и благодарные сердца обывателей вострепетали. Там есть прямо столетние деревья, которые помнят еще "француза". Здесь и деревянный вокзал [7] с биллиардом, рестораном и наружной длинной верандой, и ветхий деревянный театр с "протекцией" во время летних ливней. В будке по праздникам играл военный оркестр, а смоляне сновали взад и вперед по усыпанной песком площадке перед рестораном. Но стоило подняться над кухонными ресторанными запахами, над облаками табачного дыма, над пылью, вздымаемую топчащимися как белка в колесе гражданами, на земляной вал крепости, где была беседка, чтобы увидеть долину Днепра, холмы, поросшие курчавыми кустами, пространство неизмеримое, океан лазури и воздуха, а внизу домики и сады слобод, а на свободных луговинах за рвом, валы, траншеи наши и французов, представляющие всю картину осады Смоленска Наполеоном. Но с другой стороны, глядя с башни Веселухи, можно было видеть такую же земляную карту, которая рисовала картину осады Круля польского Сигизмунда и сиденье воеводы Шеина [8]. Эти следы былого по мере обстройки Смоленска за стенами, исчезли. Высоко на горе царил над городом пятиглавый собор, а на разных его высоких точках реяли 22 храма, построенные кораблями и между ними церковка на Казанской горе, прятавшаяся в роще столетних лип. Ни одна фабричная труба не коптила еще тогда девственное Смоленское небо. Это был, по историческим воспоминаниям, пограничный город Московии, твердыня, город вооруженный страж, a теперь мирный земледельческой области, город стародворянский, где жизнь текла еще тихо, мирно, "во всяком благочестии <и> чистоте" [9].

Заднепровье, низменное Заречье с базарной площадью, обставленной рядами с лавками, куда съезжались со своими продуктами крестьяне деревень, говорившие по-белорусски, с "цоканьем" "дзиканьем", часть торговая, буржуазная и ремесленная носила еще глубоко патриархальные черты быта; дворянство, купечество, духовенство, еврейство (не имевшее прав жительства [10] и благополучно жительствовавшее, плодившееся и множившееся), интеллигенция свободных профессий, преподаватели, адвокаты, земцы; множество отставных военных и штатских, живущих в собственных домишках с садишками на пенсии, мастеровщина, мещанство, монахи двух монастырей и монашки из Вознесенского, где так гармонично звонили, нищая братия и губернская аристократия, с рысаками и экипажами, к которой принадлежала известная блудница вавилонская, графиня Италийская, княгиня Суворова-Рымникская и мой кузен, камервпоследствии Архангельский губернатор, городской голова, Александр Платонович Энгельгардт, имевший "палац" в стиле Ренессанса [11] и женатый на Реад; военный круг – офицерство Софийского полка, губернское Правление, советники, нотариусы, судейские, и – обитатели Белого дома с решетками и другого дома с "палатой № 6-й" на горе за Днепром [12]... Все это были особые мирки, со своими бытовыми

особенностями. По двунадесятым праздникам со всей губернии сходились и съезжались крестьяне и крестьянки, на поклонение Смоленской Матушке – Одигитрии, Чудотворной ее иконе, на архиерейское служение, стояли вокруг города таборами, жгли костры, пели песни и плясали; тогда звучали говоры столь отличных по населению уездов, и наряды были разнообразные, местные. То была еще не тронутая племенная целина. И без официальных памятников – таких было всего два: в память Отечественной войны на плацпарадном месте, обсаженном двумя рядами старых плакучих берез, и обставленном черными столбиками, - монумент Тона [13], в виде не то колонны, не то фальшивой часовни без окон и дверей, не то сахарной головы или шампанской бутыли с крестом на вершине, да другой – во рву за Молоховскими воротами в виде бесформенного, чугунного ящика, на месте расстреляния французами полковника Павла Энгельгардта [14], – так и без этих памятников каждый шаг открывал исторические следы в этом городе, пробуждавшие воспоминания минувшего. Сестра Вера, осенью 1881 года приехала со мною в Смоленск, и устроила меня на квартиру со столом в доме старого, почтенного лесничего, в его семье, состоявшей из четырех сыновей и дочери.

Хозяйка дома была почтеннейшая женщина, преданная семье, мужу, детям, постоянно читавшая младшим умные книжки, репетировавшая с ними их уроки, женщина твердая в исполнении долга и бесконечно трудолюбивая. Из сыновей старший был студент-филолог Петербургского университета, второй – Володя, кончал классическую Смоленскую гимназию, носил большой хохол над белым лбом, стоявших черных волос, нервный и чуткий юноша, подружился со мной, и меня репетировал. Остальные двое – реалисты [15]. Сестра их – еще девочка. Дом их, деревянный, одноэтажный, крытый гонтом с флигельком, разгороженном на две комнатки, где помещались – я с Володей и еще классик старшего возраста, Иван Иванович Т., о котором можно было повторить слова из письма, полученного Сквозняком-Дмухановским: "Иван Иванович потолстел и все играет на скрипке" [16]. Это был толстый, большой, белый, пухлый юноша, с бородавкой между широкими бровями, который когда не зубрил по подстрочнику Ксенофонта и Гомера, то или лежал на кровати или ходил по комнате и играл на скрипке. Дом стоял в переулке, заросшем травой, на Казанской горе, против церкви, а с боку возвышалась городская стена. В лунные ночи я любил смотреть, как на чистом небе, над зубцами стоит месяц... И как летят, словно духи в серебристых одеждах, налетают на месяц, и светятся краями облачка. В такие ночи по местному преданию на стене появлялось привидение – страж с партазаном [17] и фонарем, обходивший стену от башни до башни. Собаки начинали выть, а жители крестились и боялись. Можно сказать, что стены и башни были обвиты такими легендами. В одной гремели цепями прикованные злодеи древних лет; в других таились зачарованные клады; из иных шли подземные ходы неведомо куда; здесь имелись на стенах таинственные знаки... но не все могли их видеть. Дом моих хозяев был построен еще какой-то помещицей из матерого леса. С

балкона, выходившего в сад при нем, тогда открывался чудный вид на собор и весь нагорный Смоленск. Потом некий немец-аптекарь построил рядом каменный, трехэтажный и загородил вид. За домом был сад; около двор с сараями и огород. В саду старые груши. В особенности одна, в два обхвата, хотя буря и сломила вершину главного ее ствола, вздымала толстые ветви, и вся обросла отрослями, как букет. Эта груша тем была знаменита, что под ней в 1812 году отдыхал сам Наполеон... Яблони, чернослив, желтые сливы, заросли вишенника, орешника, трава по пояс, множество цветов и едва протоптанные дорожки.

Заборы обросли малиной и черной смородиной. Из-за них протягивали ветви деревья и кусты соседних садов. Через ветви и стволы со всех сторон сквозило воздушное пространство и даль, даль без конца. К осени весь сад золотился и убирался плодами. В году урожай фруктов бывал большой и на скошенные луговины катились плоды с обвисших от их тяжести, подпертых ветвей.

Классическая Смоленская гимназия, — белое, длинное, трехэтажное, казарменного типа каменное здание на бульваре [18], между общественным садом, здесь имевшим польское название "блонье" (выгон), с аллеями старых берез и плац-парадным местом. Когда я в первый раз вошел в класс, я увидел из окон панораму Смоленска, и за Днепром, на возвышенности, прямо против здания гимназии — другое такое же огромное трехэтажное белое здание, только с решетками в окнах... То был губернский острог.

В гимназии властвовала колония чехов. Но эти чехи не возбуждали никаких прекрасных воспоминаний о Златой Праге, мистре [19] Гусе, славянском возрождении и единении. Быть может, и добрые в частной жизни люди, они были слепыми, беспощадными педантами-исполнителями мертвых планов какого-то буквоедского лже-классицизма. Преподавание их было совершенно чуждо античной красоте, духа возрождения, идеям гуманизма, и состояло в том, что мы зубрили по подстрочникам буквальные, безобразные переводы авторов и грамматические формы, не успевая нимало ни в языках, ни в авторах, и чувствуя, что это только муштра, экзерцирмейстерство [20] с нашими бедными мозгами, что в этой суши нет ни смысла, ни нужды, что все это никакой связи с жизнью не имеет нимало и большинству из нас не пригодится ни на что, никогда.

<...> О, милые соотечественники! Библейские могущественные образы, герои, боги и богини Гомера, блистательные картины "Дон-Жуана" Байрона, исполненные чувства и мысли строфы его, образы Мильтона и Данте, в старинных, прозаических переводах бессмертных христианских эпопей, Шекспир, поэт-слепец Иван Козлов – романтик 30-х годов, акафисты и каноны "Молитвослова" времен Елисаветы Петровны, и живые впечатления, окутанных волшебством старины, стен и башен Смоленска, его храмы, дивный собор с грандиозным резным деревянным иконостасом, где виноградные лозы перемешены с подсолнечниками, работы южно-русского мастера XVIII-го столетия; собор, где на всех иконах вооруженные щитами, шлемами, мечами, копьями, архангелы, святые мужи и жены, хранители

военной твердыни ключевого города Московии – той Великой, Малой и Белой Руси, говоры которых и песни сливаются в народном песнопении старой Смоленщины; там и поножи, и шлем Меркурия [21], победителя тьмотысячной рати врагов, нашедших на город, отсекших наконец в бою его голову, а он встал, взял коня под уздцы, и неся в другой руке свою отрубленную голову; и когда смоляне, в изумлении все бежали к нему на встречу:

> Голова открыла очи И промолвили уста: "Я – Меркурий, с полуночи Усеченный за Христа".

(Моя баллада...)

И все "тихое и благоденственное житие" [22] города земледельческой области, полное своеобразия быта во всем, - Смоленская и Дорогобужская форпостная шляхта – "польская кость – русским мясом обросла" – или обратно, – эти кудрявые сады на высях гор и рощи могучих деревьев на склонах оврагов, где обитает бесчисленное крылатое племя грачей, состязающееся непрестанным криком с колокольным звоном, и дали, и холмы, и долина Днепра, уходящие в синь и ширь, все будило воображение и потрясало душу отрока-поэта, каким я несомненно был.

<...> А я задумал огромную лирико-эпическую поэму под заглавием "Часы бессмертия. Исторические картины Смоленска". Я писал, прятал, что выходило, никому не показывал – не было около меня единственного моего ценителя и поощрителя – моей мамы, и наконец разрывал на мелкие клочки и пускал их по ветру... Писал я, или забравшись в конец сада или на стенах, потому что когда Володя замечал, что я вместо Корнелия Непота [23] пишу короткие строчки, то прерывал мое вдохновение язвительным замечанием: "Опять принялся писать чепуху?!.." Он вдруг проникся скептицизмом к поэзии, так как начал читать гонителя "эстетики", критика Писарева, еще свирепствовавшего, как отроческая болезнь, среди провинциальных гимназистов. Для своей поэмы я купил полстопы бумаги и отдал ее переплести. Мне казалось, что в такой огромной тетрадище поэма моя пойдет скорее. В этом фолианте я принимался не раз писать, но каждый раз вырывал и истреблял написанное. И наконец, забросил тетрадищу, видя, что она не помогает... Я возвращался к этой поэме не раз в течение семестров 1882-1883, 1883-1884 и 1884-1885 годов, когда учился в Смоленске. Некоторые ее отрывки сохранились. Вот один:

> На той горе, где часто в полумраке Безумие несчастное сидит...

На Покровской горе, за Днепром, помещалась в Смоленске больница для умалишенных...

Сижу и я в вечерний тихий час

И дожидаюсь быстрой, летней ночи. Она придет и звезды загорятся, И бездна мирозданья надо мной Чертоги Вседержителя откроет. Но длится кроткий миротворец вечер, Все розовою дымкой покрывая; Уж солнце в воды быстрые Днепра Пылающую голову сокрыло, Но огненные волосы его По небесам широко разметались И миллионы искр летят повсюду Червонцами деревья осыпая. Окошки домиков горят, мерцая, Так лихорадочно, нетерпеливо, Как будто бы спешат напиться света. Но тень в садах нагорного Смоленска Сгущается, одни лишь только башни И стен его высокие зубцы Прорезом выделяются на небе, А там к зениту возносясь висит Самоподдержанное золото крестов Собора и церквей, благоговеньем Смиряющийся предопочиваньем И вечереющий приосеняя город; Он глухо весь шумит, но строй тех звуков Все понижается и разрешаясь в лепет Невнятно уж и сонно так бормочет. Восток погас. А из-за гор крадется Серп серебристый месяца украдкой. Сходи же ночь и таинство свое Свершай, смыкая очи всем усталым, Всем жизнью утружденным несчастливцам; Дари им грезы светлые свободы И разделенной радостной любви, Бессонницу ж оставь ты богачам, И мне, и тем безумцам полуночным, Лунатикам, мечтателям утопий, Готовящим преображенье мира, И счастье человечеству, что в зданьи Почтенном пребывают на Покровке. И ночь сошла. И тени все покрыли, И улицы пустынны углубились, А на дворах замкнутые колодцы Прозрачно-тонкого и голубого света Пролитого сопутником земли.

Огни в окошках домиков мигают. За ужин сели семьи горожан. А за рекой собаки гулко лают. Вороны полетав, покаркав сели На становище. Сторож бьет трещоткой. И пьяницы шумят по кабакам. Оборванцы выходят из-под моста И воры робкие в тени крадутся... И все покрыла синей шапкой ночь. Как вызвездило! Как сияет месяц! Но что? Как все переменилось вдруг...

.....

Весною до каникул, и осенью, возвращаясь в Смоленск, а иногда зимою, я под праздник шел пешком в Серебрянку, подгороднее именьице Ольги Николаевны Крушевич (рожд. Римская-Корсакова), тетя беленькой Лёли, теперь превратившейся уже в девицу; превосходная хозяйка, Ольга Николаевна была культурной, умной и необыкновенно чуткой и сердечной женщиной, уже почтенного возраста. Иногда она сама заезжала за мной или присылала экипаж. Именьице ее межевало с пустопорожними, городскими землями; эти земли облегали город и покрыты были березником, олешником, черемухой, рябиной и калиной — которые не росли выше куста, вытаптываемые и обгладываемые скотом городского стада, которое там паслось, так как между порослью на полянах росло много травы. Живым урочищем служил глубокий Серебрянский ров, осененный с одного конца раскидистыми с темно-зеленой хвоей соснами, а другим впадавший в долину Днепра. В овраге по камням, с уступа на уступ прядал каскадами, журча и звеня, ручей.

Свернув с проселка, я пробирался этим оврагом, по ручью до озерца, где водилось много водяных змей, при движении оставлявших на воде извилистый след. Взойдя на горку, солнечную и заросшею душистым чаберем [24], я перелезал через невысокий частокол и вступал в плодовый сад, за которым возвышался помещичий старый дом с балконом и мезонином. Балкон был двойной. С верхнего был чудный вид на Смоленск. Отсюда, город, плавая в лазури и серебристой дымке горизонта, над зеленой поверхностью зарослей городских выгонов, с церквами, куполами, крестами, башнями, зубцами, садами, зубцами стен и башен, громоздящимися разноцветными крышами, принимал совсем сказочный облик. Посреди сада и цветников к дому шла аллея молодых кудрявых лип и каштанов. Там были с обмазанными глиной стволами, дерновые скамьи. Яблони, терновника, сизые плоды которого шли на наливку и соленье, малина, ежевика, смородина, - всего, всего было много у запасливой, рачительной хозяйки. Осенью весь дом был полон ароматом собранных и сложенных в комнатке, служившей кладовой, яблок, груш, бергамот. Там полки были заставлены банками варенья, которое на таганчике, на вольном воздухе варилось все лето, доставляя мне с Лёлей, с которой я вел политические и

философские споры, причем мы во всем расходились в воззрениях, одинаково обоими нами обожаемые пенки. За домом был зеленый двор, обставленный флигелями, службами, хозяйственными постройками. Посреди этого муравчатого с протоптанными дорожками двора стояла матерая, кряжистая, огромная старая груша с шатром ветвей. Осенью она просто крепкими, кисловатыми, золотистыми грушками осыпала Собственником Серебрянки был племянник Ольги Николаевны [25], популярный психоневролог, гидропат и врач Москвы, вращавшийся в ее аристократических верхах, имевший там свою водолечебницу, тот самый, которому я в Батищеве продал мой "роман", о чем я рассказывал раньше. Это был врач-философ и пленительной наружности человек. По вечерам он брал гитару, играл романсы, и под тихий звон струн артистично высвистывал мелодию. От его гитары веяло тридцатыми и сороковыми годами, московским студенчеством и дворянской романтикой. Привлекали еще меня большой шкаф с книгами и милые люди, наезжавшие сюда на лето из Москвы, между ними Петр Александрович Каленов и сестрица его, Виктория Александровна. Часто из Смоленска приезжал редактор-издатель, тогда популярного "Смоленского вестника", где и мой отец помещал статьи, Алексей Иванович Елишев. Здесь же лето прожил москвич Зверев, впоследствии профессор и министр просвещения (или только товарищ министра, точно не помню) [26]. Петру Александровичу я читал мои стихи и они понравились ему своею простотою и искренностью.

Особенно следующие:

Розы, лавры и лилеи Богу песен всех милее Юга жаркого цветов! Мне ж гвоздики полевые, Незабудки луговые, Ландыш – первенец лесов. Кедры гордые Ливана, Для поэтов Тегерана, Все затмили красотой! Мне же – ель, сосна родные, Да березы молодые Милы зеленью простой.

Он читал со мною Гейне. Это был любимый поэт и мамы, которая переводила его стихи из Buch der Lider [27] и очень удачно. Но Гейне я не полюбил. Его постоянные гримасы, срывы лирического одушевления на подтрунивание мне, воспитанному на классиках, на цельности их, были неприятны. Но "Северное море" я почувствовал [28].

Зверев жил лето, помещась на мезонине и писал там магистерскую диссертацию, обложенный книгами. Это был деликатнейший, тихий, задумчивый ученый и москвич. На мезонине стоял большой сундук с разными деловыми бумагами, письмами, актами, хозяйственными записями

XVIII-го века, были там и альбомы со стихами барышень 20-х и 30-х годов. Я копался в этой старине с восторгом. Завлекали меня и томы "Вивлиофики" Новикова [29], лежавшие вокруг Зверева и на столе, и на полу, и он видимо полюбил меня, и отдыхая от работы, беседовал со мною о русской истории, и смоленской старине, о поэзии, о красоте и еще о многом. Мне кажется, что эти беседы отразились в следующем отрывке моей не оконченной и истребленной поэмы:

Восходят венценосные гиганты Бросая руки красные друг другу, Карабкаться друг другу помогая На вечные Смоленские холмы. То не гиганты – башни то и стены, Кирпичные всползают крокодилы Зубчатою вздымаяся стеной. Так тридцать пять столпообразных башен, Оградой мудрой город замыкая, В водах Днепра повисли отражаясь, В его струистых безднах, где кипя Бурлит вода и рыба сом таится, Прожорливою пастью ищет жертвы-Кровавой жертвы – плоти человечей. О, для чего взаимное пожранье, Борьба, грызня, война царит в природе? Иль жертва непрестанная нужна, Чтоб мир стоял, а хищник, торжествуя Свою погибель только накликает, И правда жизни все ж ненарушима? Смоленск! Смоленск! Опора грозной власти Московского царя! Замок земли! Твердыня утвержденная святыней Путеводительницы чудотворной Великой Одигитрии святой! Ты, матерь света! Ты, Отроковица, Невеста неневестная Господня, Преосени покровом город крепкий Святой своей иконе предстоя! Обложен город тяжкою осадой. Раскинул лагерь старый Сигизмунд. Круль Польский и Литвы Великий Князь С бесчисленною ратью подступил, Чтоб посадить сынка на трон Московский, Где Дмитрий Самозванец так недолго С волшебницей Мариной посидел И призраком кровавым учинился, И стал двоиться призрак, и троиться

Обманом очи людям ослепляя, И стал шататься призрак по Руси, А вся она и кровью, и слезами Залилася, и выгорки пожаров, И дым, и лютый смрад ее покрыли... ...Но крепок град Смоленск, и верен богу, А Шеин – воевода несговорчив. Недели, месяцы идут в осаде, Бьют стены неотступные тараны, Пробить не могут тот кирпич железный, Что плитами с подошвы облицован. Ночь каждую идут на приступ вои, Полки Литвы и панцирные Польши, Коих со стен смоляне угощают Кипящим варом и свинцом, камнями, Палят они из пушек, из пищалей, Пока хватало зелья. И отбиты Уже не раз, поляки отдыхают. С Литвы и Польши все идут обозы, Стада быков, в телегах скотьи туши, Свиней, телят, баранов, птицы всякой, Мешки с мукой и бочки с маслом, рыба, С Украины и греча, и пшеница, И бочки вин, и водок, и медов. Так между битв все рыцарство пирует В шатрах шелковых. Полковые пани, Прелестницы со всех концов крулевства,-Танцорки и певицы налетели И пляшут с рыцарями там мазурки, И пьяные, падут на ложе неги. И до небес там крики: Виват! Виват! Огни горят цветные, транспаранты, Где королю великому победу Пииты в виршах польских и латинских Сулят. И турий рог подняв высоко За рыцарство свое и за красавиц Пьет старый Сигизмунд, усы седые Червоной рукавицей утирая. Но в осажденном городе Смоленске Безмолвие в часы затишья боя. Там голод скалит зубы, там худые, Иссохшие, замученные люди Без сна стоят на стенах караулом, Творя в себе сердечную молитву, А жены, девы, дети землю носят

И камни тащат, стены подпирая И ослабелые места крепят. И Шеин — воевода высоко На башне Веселухе смотрит вдаль, Все ждет — на помощь не идет ли рать Московская? Но даль пуста, темна... Надежды нет. Слабеют силы. Голод И смерть в стенах,

и томная зараза...

Ту деталь, что круль Сигизмунд отирал усы "червоной рукавицей", насколько помню, сообщил мне Зверев.

- [5] ...после бомбардировки 1812 г., когда Наполеон при возвращении через Смоленск, приказал подложить бочки с порохом... Покинув Смоленск с отступающими войсками, Наполеон приказал Нею взорвать башни и стены города. Всего последовало 8 взрывов (были взорваны 9 башен, пострадал Королевский бастион). Остальные были предупреждены русскими войсками, следовавшими по пятам за отступавшими французами.
- [6] ... Евангельские игольные уши, бывшие в стенах Иерусалима... По одному из толкований Нового Завета, Христос в известной фразе («удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Небесное») имел в виду узкие ворота в каменной стене, которые назывались «игольным ушком».
- [7] ...вокзал... Слово употреблено в устаревшем значении «место для увеселений».
- [8] ...картину осады Круля польского Сигизмунда и сиденье воеводы Шеина. – Сигизмунд III 20 месяцев осаждал Смоленск, обронявшийся под

^{[1] ...} *их было 35*... – Изначально Смоленская крепостная стена включала в себя 38 башен.

^[2] Стены — царя Бориса. — Борис Годунов, ещё не будучи царём Руси, но уже являясь её фактическим правителем, в 1596 г. лично приехал в Смоленск и произвёл закладку крепости. Завершилось строительство уже в его царствование (правил с 1598 по 1605 гг.). Борис Годунов не только привлёк к строительству лучших мастеров той эпохи (свидетельством высокого авторитета Фёдора Коня как зодчего является то, что ему доверили строительство Белого города в Москве), но и постарался обеспечить крепости поддержку небесных покровителей, подарив Смоленску список иконы Одигитрии, ныне хранящийся в смоленском Успенском соборе.

^[3] Над проездом, в ее верхнем этаже чудотворная Надворотная Икона Божией Матери Одигитрии – Путеводительницы... – Ныне хранится в Успенском соборе Смоленска.

^{[4] ...} противоположными являются Молоховские... – Были снесены либо в 1936, либо в 1937 г.

- руководством воеводы М. Шеина, в 1609-1611 гг. «Сиденьем воеводы Шеина» можно назвать также и его неудачную осаду Смоленска 1632-1634 гг.
- [9] ... "во всяком благочестии <и> чистоте". Цитата из «Первого послания Святого Апостола Павла Тимофею» (2:2).
- [10] ...не имевшее прав жительства... В Российской империи с 1791 по 1917 гг. (фактически по 1915 г.) существовала черта постоянной еврейской оседлости граница территории, за пределами которой запрещалось постоянное жительство евреям (иудеям), за исключением нескольких категорий, в которые в разное время входили, например, купцы первой гильдии, лица с высшим образованием, отслужившие рекруты, ремесленники, приписанные к ремесленным цехам. [11] ... "палац" в стиле Ренессанса... Здание сохранилось, смоляне
- [11] ... "палац" в стиле Ренессанса... Здание сохранилось, смоляне называют его домом Энгельгардта, в нём ныне разместился Дворец бракосочетаний (ул. Глинки, 4).
- [12] ...другого дома с "палатой № 6-й" на горе за Днепром... Душевнобольных с середины XIX в. лечили в богадельне на Покровской горе (с 1866 г. земская больница, ныне 1-я горброльница).
- [13] ...монумент Тона... Автором описанного Н.А. Энгельгардтом Памятника защитникам Смоленска 4-5 августа 1812 года был А.У. Адамини, а не Тон.
- [14] ...во рву за Молоховскими воротами в виде бесформенного, чугунного ящика, на месте расстреляния французами полковника Павла
  Энгельгардта... После Октябрьской революции памятник был демонтирован. В настоящее время неподалёку, на доме № 2 по улице
  Дзержинского установлена мемориальная доска в память П.И. Энгельгардта.
  [15] ...реалисты... учащиеся реального училища.
- [16] ... повторить слова из письма, полученного Сквозняком-Дмухановским: "Иван Иванович потолстел и все играет на скрипке". Не совсем точная передача сцены и текста из комедии Н.В. Гоголя "Ревизор" (1836): Андрей Иванович Чмыхов, приятель городничего Сквозняка-Дмухановского, сообщает ему в письме, кроме прочего, о том, что «Иван Кирилович очень потолстел и все играет на скрипке...» (Действие I).
- [17] ... *партазаном*... (или протазан) копьё с плоским и длинным металлическим наконечником, в России почётное оружие офицеров в начале XVIII века.
- [18] Классическая Смоленская гимназия, белое, длинное, трехэтажное, казарменного типа каменное здание на бульваре...— Ныне гимназия № 1 им. Н.М. Пржевальского (ул. Ленина, 4).
- [19] ...мистре...- Мистр в переводе с чешского языка мастер.
- [20] ...экзерцирмейстерство...– Муштра.
- [21] ... поножи, и шлем Меркурия... Ныне в Успенском соборе Смоленска хранятся сандалии (поножи) святого Меркурия, шлем утрачен.
- [22] ... "тихое и благоденственное житие"... Цитата из статьи Л.А. Тихомирова «Рабочий вопрос и русские идеалы» (1902 г.)

- [23] ...вместо Корнелия Непота... Произведения Корнелия Непота, отличающиеся простотой и правильностью стиля, использовались при обучении латыни.
- [24] ... чаберем... вероятно, имеется в виду чабрец, обильно произрастающий в окрестностях Смоленска.
- [25] ... племянник Ольги Николаевны... А.А. Корнилов.
- [26] ...москвич Зверев, впоследствии профессор и министр просвещения (или только товарищ министра, точно не помню). Н.А. Зверев юрист и государственный деятель. Был профессором по кафедре энциклопедии и истории философии права в Московском университете, ректором университета. В 1898-1901 гг. занимал пост товарища министра народного просвещения, затем был назначен сенатором. В 1902-1904 гг. был начальником Главного управления по делам печати.
- [27] ... Buch der Lider... «Книга песен» (1827 г.) сборник стихотворений Г. Гейне.
- [28] Но "Северное море" я почувствовал. "Северное море" четвертый цикл "Книги песен" самый философский и самый новаторский в книге с точки зрения стихотворной формы.
- [29] ... *томы "Вивлиофики" Новикова* ... Идание книгоиздателя-просветителя Н.И. Новикова "Древняя российская вивлиофика" сборник исторических источников (первое издание в 10 частях, 1773-1775; второе издание в 20 томах, 1788-1791).